

УДК 94 (470)

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В КАБАРДЕ 1822–1825 ГГ.

Саралиева Л.Ш.

*Институт гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, Грозный,
e-mail: lesa1420@mail.ru*

Предметом исследования является политика Российской империи в Кабарде в 1822–1825 гг. Целью подготовки статьи является исследование исторических событий на Северо-Восточном Кавказе, в частности, в Кабарде в 1822–1825 гг. в контексте российской политики. В работе анализируются основные аспекты деятельности российской администрации и А.П. Ермолова в Кабарде. Подчеркивается личный фактор в данных событиях. Теоретико-методологическая база исследования включает в себя совокупность общенаучных и специально-исторических методов. Система изложения, обобщения и анализа материалов предусматривала многофакторный подход к трактовке различных теоретико-методологических схем. В статье подвергаются анализу этнополитические, социально-экономические, конфессиональные факторы, повлиявшие на ход исторических событий в Кабарде в 1822–1825 гг. Автор указывает на исторически прогрессивное значение присоединения кабардинцев к России, но подчеркивает трудности и отрицательные факторы данного процесса.

Ключевые слова: Кабарда, Россия, внутренняя политика, феодалы, крестьянство, антиколониальная борьба

MAIN ASPECTS OF THE ACTIVITY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES IN CABARET 1822–1825

Saraliev L.S.

*Institute of humanitarian researches of the Academy of Sciences of the Chechen Republic,
Grozny, e-mail: lesa1420@mail.ru*

The subject of research is the policy of the Russian Empire in Kabarda in 1822–1825's, the Purpose of preparation of the article is to study historical events in the northeastern Caucasus, in particular in Kabarda in 1822–1825 years in the context of the Russian policy. The paper examines the main aspects of the activity of the Russian administration and A.P. Ermolov in Kabarda. This underscores the personal factor in these events. Theoretical and methodological base of the research includes a set of General scientific and specifically-historical methods. The presentation, generalization and analysis of materials included a multifactorial approach to the interpretation of the various theoretical and methodological schemes. In article are analyzed ethno-political, socio-economic, religious factors influencing the course of historical events in Kabarda in 1822-1825's. the Author points to the historically progressive importance to the accession of the Kabardins to Russia, but emphasizes the difficulties and negative factors of this process.

Keywords: Kabarda, Russia, internal policy, the feudal lords, the peasantry, struggle

Длительный, многоплановый и сложный процесс утверждения России на Северном Кавказе, а именно в Кабарде в рассматриваемый период подходит к логическому завершению активной фазы и установлению административной власти. Данный процесс вызывал негативную реакцию у адыгских князей. Кабардинские владетели не хотели ограничений внутренней самостоятельности. До 1822 г. российские войска вступали в Кабарду, «наказывали» непокорных князей, громили повстанцев и снова уходили за Кубань. Кабарда вновь оставалась фактически без российского присутствия и антироссийски настроенные феодалы быстро восстанавливали свои силы и вновь начинались набеги на пограничную линию. А.П. Ермолов по примеру Дагестана и Чечни решил возвести в Кабарде российские военные укрепления. В мае-июле 1822 г. А.П. Ермолов внимательно ознакомился с географическими особенностями региона, по его приказу была составлена подробная карта Кабарды, в соответствии с которой он

и начал летом 1822 г. строительство Кабардинской укрепленной линии. Создание этой линии было лично одобрено царем [1]. Кабардинская укрепленная линия начиналась у устья р. Тахтамыш, проходила по верховьям рр. Кумы, Подкумок и Малки, «а далее – у самой подошвы Черных гор до устья Уруха, впадающего в Терек» [1]. Линия состояла из пяти основных укреплений, расположенных у выходов из ущелий рр. Баксана, Чегема, Нальчика, Черка и Уруха. Крепости связывались между собой промежуточными постами. Эта линия отрезала кабардинцев, поселенных на равнине, от гор. С другой же стороны, по левому берегу Малки и правому берегу Кубани, проходила линия казачьих станиц. Таким образом, кабардинцы (за исключением небольшой их части, оставшиеся в недоступных горах), оказались полностью окруженными российскими военными укреплениями и казачьими станицами [6]. А.П. Ермолов в Кабарде повторил вариант, уже примененный им в Чечне в 1818 г., где он зажал часть

чеченцев между Терской и Сунженской военными линиями, тем самым поставив их под полный контроль российских властей и лишив возможности оказывать вооруженное сопротивление. Чтобы отрезать чеченцев от кумыков, была построена линия укреплений от Кумыкской плоскости (кр. Внезапная) до Терека (с. Амир-Аджи-Юрт). Такая политика велась А.П. Ермоловым в центре Кавказской линии. В 1822 г. было восстановлено Кисловодское укрепление. Далее, в направлении верховьев Кубани, были построены сильные укрепленные посты: на р. Подкумок, при урочище Бургустан, в самых верховьях Кумы, у аула Ахандук, у Каменного Моста на р. Кубань и в верховьях р. Тахтамыш [13]. Укрепление, построенное на р. Куркужин, связывало данную линию с Баксанской крепостью, образуя таким образом единое кольцо российских укреплений. Новая военная линия получила название передовой Кабардинской линии, по р. Малка, – внутренней Кабардинской линии. Кроме того, А.П. Ермолов в 1822 г. оставил здесь два батальона Ширванского полка, позже в Кабарду был переведен Кабардинский полк. В 20-е годы XIX в. гарнизон военных укреплений в Кабарде составлял около 2600 человек при 63 орудиях, при том, что население Кабарды не превышало в исследуемый период 35 тыс. человек. Одновременно А.П. Ермолов принял меры для большего усиления Военно-Грузинской дороги. Если ранее она шла по правому берегу Терека, от Ставрополя к Моздоку, а оттуда – на Владикавказ, то теперь дорога была перенесена на левый берег р. Терек, и от Ставрополя направлялась на Екатериноград, а затем – на Владикавказ, находясь уже под защитой новых укрепленных промежуточных постов – Пришибского, Урухского, Минаретского и Ардонского. Под строительство новых военных укреплений в Кабарде были отведены лучшие пахотные и пастбищные земли. Населению было запрещено использовать земли и вблизи укреплений – они отводились под сенокосы и пастбища для гарнизонов [5]. Была прервана всякая связь кабардинцев с горами: было даже запрещено выгонять скот на горные пастбища и пользоваться землей в горах. Все это чрезвычайно затруднило хозяйственную жизнь кабардинцев и явилось одной из основных причин антиколониального восстания 1825 г. в Кабарде. Построив внутри Кабарды и вокруг нее целую систему военных укреплений, лишив тем самым ее жителей возможности к вооруженному сопротивлению, Ермолов приступил к завершающему этапу ликвидации остатков ее политической самостоя-

тельности – созданию судебно-административной системы. 29 августа 1822 г. он издал прокламацию об учреждении Временного кабардинского суда. «Восстанавливая порядок в Кабарде и учреждая чрез земли оной новую линию для охранения жилищ ваших, с тем вместе признаю я полезным... между вами установить суд» [11]. К прокламации прилагалось разработанное А.П. Ермоловым «Наставление», содержавшее 27 параграфов, в которых излагались назначение и обязанности суда. Он должен был состоять из представителей всех княжеских родов или фамилий (вначале назначаемых). Суд на основе адатных норм должен был рассматривать гражданские и мелкие уголовные дела. А тяжкие уголовные преступления – убийство, измена, набеги на линию и т.д. – должны были рассматриваться военным судом на основе российских законов. А.П. Ермолов считал кабардинское духовенство проводником турецкого влияния в Кабарде. Установление порядка в Кабарде главнокомандующий считал невозможным без серьезного ограничения роли духовенства в обществе. Сославшись на «сильные жалобы простого кабардинского народа на угнетение, претерпеваемые оным от несправедливого разбирательства дел их шариатом», А.П. Ермолов отстранил духовенство от решения гражданских дел. В его ведении оставались лишь дела, касающиеся веры и совести, семейно-бытовые вопросы. Главнокомандующий не ограничил Временный суд только судебными делами: ему были приданы и административно-полицейские функции, превратившие его фактически в исполнительный орган российского управления в Кабарде. «На обязанность учреждаемого суда возлагается собрать достаточные сведения относительно податей или иного рода повинностей», – отмечалось в «Наставлении». А главное, без разрешения суда (т.е. без выдаваемых им «билетов») кабардинцы не имели права передвигаться ни внутри линии, ни за пределами Кабарды. Билеты для поездки за Кубань и в горы выдавались высшим воинским начальником в Кабарде, а в Россию – начальником линии. Таким образом, власти получали важнейшее средство для контроля за населением [2]. Временный кабардинский суд действовал под непосредственным руководством и контролем военного командования в Кабарде. «...Начальник всех войск, в землях кабардинских расположенных, будет назидать общее всех благосостояние и порядок, и для того требуется со стороны вашей должное к требованиям его внимание и послушание», – подчеркивалось в «Прокламации» наместника [11]. «Суд находился, –

писал В.Н. Кудашев – ... фактически в руках администрации, которая вмешивалась в его решения, делала ему указания, иногда отменяла его решения и смотрела вообще на суд как на орудие своей власти» [9].

По мнению К.Ф. Дзамихова, судебная реформа 1822 г. окончательно ограничивала политические и экономические права различных общественных слоев в Кабарде и особенно – имущественные привилегии кабардинских феодалов. Духовенство должно было либо отстраниться от власти, либо поступить под контроль российских властей [5]. Т.Х. Кумыков также считает, что судебная система, введенная Ермоловым, задела интересы всех слоев кабардинского общества – феодалов, духовенства и крестьян [10]. В то же время Кумыков отмечает и положительные моменты в судебной реформе А.П. Ермолова в Кабарде: она ограничивала произвол местных князей и дворян, способствовала ликвидации феодальной раздробленности и межфеодальной борьбы. Отныне адыгские владельцы окончательно были лишены всей политической власти, которая была передана российской администрации. То, что Ермолов в Дагестане делал более-менее постепенно, в течение нескольких лет, в Кабарде было проделано одновременно [8, 12]. При этом в Кабарде Временный суд представлял собой единый на всей этой территории орган административного управления (т.е. страна впервые была объединена, пусть и под верховной властью России). В Дагестане подобного единого органа колониальной власти не было: каждое ханство управлялось отдельно – либо российской администрацией, либо назначаемым феодалом – «управляющим». Подобная же ситуация была и в Чечне, где часть территории управлялась приставом, другая – военным начальством. Все это подталкивает, что «царизм преследовал цели полного подчинения кавказских земель. Царское правительство... в сфере политического управления сразу же стало проводить жесткий курс. На территории присоединенных земель царизм распространял методы военно-бюрократического управления и внеэкономического принуждения в сфере хозяйства. Сопrotивление жестоко подавлялось» [7]. В то же время В.В. Дегоев считает, что Петербург на Северном Кавказе не спешил упразднить местные, исторически сложившиеся формы власти и переходить к прямому, имперскому управлению «из центра», предпочитая держать регион под своим влиянием через «послушных и щедро оплачиваемых ставленников из местного населения» [4]. Если сказанное отчасти и верно в отношении Дагестана,

то вряд ли может быть бесспорно отнесено к ситуации в Кабарде и Чечне в 20-х гг. XIX в. В результате ермоловских мероприятий в 1822 г. была создана прочная основа российской власти в Кабарде: система военных укреплений и административный аппарат управления. Все это окончательно закрепило Кабарду в составе Российского государства [3]. Впервые в отношениях с кабардинцами Ермолов в 1822 г. проявил определенную политическую гибкость. Сперва, весной этого года, в период действий в Кабарде отряда Коцарева, он до предела ужесточил свою политику в отношении непокорной местной знати, объявив о конфискации всей земли и предав в руки российской администрации право ее перераспределения и лишения (или сохранения) дворянских званий. Безоговорочно лишались всех прав и имущества, объявлялись врагами российского государства все владельцы, когда-либо участвовавшие в набегах или в антироссийских выступлениях. После прибытия в Кабарду, когда Ермолов убедился в прочности здесь российских позиций, он в определенной степени смягчил свою политику в отношении кабардинских владельцев. Летом 1822 г., 26 июня, 1 и 9 августа, главнокомандующий обратился с прокламациями «К кабардинскому народу», в которых излагал свои требования и свое отношение к различным слоям кабардинского общества и в целом свою политику в Кабарде. В отличие от мартовского указания – «разбойников отнюдь не прощать», Ермолов в «Прокламации» от 26 июня объявляет прощение и сохранение прав и имущества всем владельцам, готовым покориться и переселиться на равнину. «Я хочу забыть прежнее и владельцам и узденям, вышедшим из гор по моему приказанию, – заявляет он. – Принимаю вышедших из гор владельцев и узденей в прежнем их достоинстве и звании. Не отъемлю земель их и ничего из собственности. ...Предоставляю владельцам и узденям прежние права над подвластными... Возвращу рабов, которые бежали от своих владельцев по переселении уже их из гор». «Проконсул» обещал покорным владельцам вернуть их детей, взятых в аманаты [11]. Этими обещаниями он наглядно демонстрировал, что его декларации об «освобождении кабардинских крестьян являлись лишь тактическим маневром, а не принципиальным поворотом в политике царизма на Кавказе» [14]. А.П. Ермолов самым настоящим образом предавал тех крепостных крестьян и рабов, которые, поверив его словам, бежали от своих, непокорных на тот момент, владельцев под защиту российских властей,

надеясь на обретение свободы и земли. Таким образом, беглые крестьяне и рабы превращались в разменную карту в отношениях российских властей и кабардинских феодалов.

Обещая прощение покорным владельцам, Ермолов обрушивает новые угрозы на тех, кто не желает подчиниться. Они лишаются всех прав, «достоинства» и земли, «равно и дети их». Их беглые рабы получают вольность. Исходя из своего излюбленного правила «разделяй и властвуй», а также в целях укрепления российской власти, Ермолов стремится всемерно обострить и без того напряженные социальные отношения внутри непокорной части кабардинского общества. «Уздням и простому народу повелеваю: при всякой встрече с изменниками действовать оружием и забыть глупое обыкновение не стрелять в князей, когда они стреляют» [11]. Как в свое время в Чечне, А.П. Ермолов фактически разделил кабардинское население на две части – мирных (покорных) и немирных (непокорных). «Покорным» кабардинцам были запрещены отношения с «непокорными», запрещены были даже родственные отношения. Никто из кабардинцев (переселившихся на равнину) не имел «права ездить в горы без билета», а они, с целью «отвращения вредных сношений», выдавались «только известным людям» [11]. Действия царских властей в 1822 г. чрезвычайно обострили отношения внутри самого кабардинского общества. Непокорные феодалы, бежавшие за Кубань или укрывающиеся в горах, стали сперва угрожать, а потом и нападать на тех, кто подчинился российским властям и поселился на равнине. Они сжигали их дома, угоняли скот, иногда убивали и требовали снова уйти в горы либо бежать за Кубань. Участились нападения непокорных феодалов и на Кордонную линию. В подобной ситуации в 1818 г. в Чечне «проконсул» возложил на притеречных жителей обязанность защищать Кордонную линию от набегов своих «немирных» соотечественников. То же самое под угрозой жестокого наказания он требовал и от кабардинцев [11]. В то же время упорное противодействие кабардинцев установлению над ними российской власти заставило главнокомандующего пойти им на определенные уступки. Сделано это было, прежде всего, с целью ограничить, уменьшить социальную базу антироссийского движения, привлечь на сторону России как можно больше кабардинцев. Ермолов обещал сохранить «свободное отправление веры и прежние обычаи», «способствовать» восстановлению и развитию «свободного тор-

га». Весьма важное значение для всех кабардинцев имело разрешение «пасти скот на пустопорожной стороне за Малкою», «брать для скота соляную грязь со стороны Кубани» и сохранение в собственности «владельцев и узденей» «летних мест для пастбищ скота в горах». Безусловное положительное значение имело ограничение А.П. Ермоловым деспотизма и произвола феодалов в отношении их подвластных. Он «уничтожил» их «власть лишить рабов жизни». Провинившихся рабов следовало судить в военных судах, при российских крепостях [11]. Феодалам запрещалось отнимать имущество у крестьян, разделять семьи, убивать их. Стремясь упорядочить отношения между различными социальными группами на «замыренной» территории Кабарды, А.П. Ермолов дал указание привести в порядок подати и повинности, отбываемые зависимыми крестьянами в пользу владельцев и духовенства. Это лишало феодалов возможности произвольно и безмерно их повышать. Отвечая на многочисленные жалобы кабардинских феодалов на то, что он подстрекает их подвластных к бегству, А.П. Ермолов назидательно замечает: «Лучшие и верные меры, дабы не бежали рабы... есть кроткое и снисходительное с ними обращение» [6]. Каковы бы ни были тактические соображения А.П. Ермолова, его действия по ограничению феодального произвола в Кабарде в 1822 г., уничтожившие наиболее одиозные пережитки средневековья, отвечали интересам зависимых крестьян и рабов. Они в определенной степени улучшали их социально-правовое положение. Несколько тысяч крепостных крестьян и рабов получили свободу и землю. В силу всего этого вышеуказанные меры Ермолова носили прогрессивный характер. Кабарда была «усмирена» раньше других частей Кавказа, видимо, и потому в ней действия российской администрации были систематичны. Результатом российских административных преобразований 1822 г. явилось то, что Кабарда окончательно вошла в состав России. Данные преобразования способствовали прекращению междуусобиц, вовлекали народы региона в экономическую, политическую и культурную жизнь России. Также улучшилось правовое положение зависимых крестьян, часть их получила освобождение от феодальной зависимости, была запрещена работорогавля, князья были ограничены в правах. Возможно, именно эти аспекты политики повлияли на то, что в Кабарде идеи мюридизма не получили в 20–50-е годы XIX в. такого распространения, как в Дагестане.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф 110. Сношения России с Грузией. 1814–1842 гг. Оп. 110/7. Д. 49. Л. 36.
2. Акты Кавказской археографической комиссии. – Тифлис, 1875. – Т. 6. Ч. 2. – С. 459.
3. Гапуров Ш.А. Саралиева Л.Ш. Кабарда в кавказской политике России в первой четверти XIX века. – Грозный, 2012. – С. 244.
4. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2001. – С. 70.
5. Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. – Нальчик, 1994. – С. 69, 70.
6. Записки А. П. Ермолова. В 2 ч. – М., 1868. Ч. 2. – С. 132.
7. История внешней политики России. Первая половина XIX века. – М., 1995. – С. 23.
8. Кидирниязов Д.С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII – 20-е гг. XIX в. – Махачкала, 2013. – С. 156.
9. Кудашев В. Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Нальчик, 1991. – С. 86.
10. Кумыков Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик, 1963. – Т. 19. – С. 95–97.
11. Леонтович Ф. И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1883. – Вып. 1. – С. 259–264.
12. Лысенко Ю.М. История российско-кавказских взаимоотношений в трудах ряда российских исследователей кон. XIX – нач. XX вв. // Кубанские исторические чтения. Материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Краснодар, 2012. – С. 259–263.
13. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. – Ставрополь, 1994. – С. 375, 376.
14. Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М., 1961. – С. 319.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. F 110. Snosheniya Rossii s Gruzijej. 1814-1842. Op. 110/7. D. 49. L. 36.
2. Akty Kavkazskoj arheograficheskoj komissii. [Acts of the Caucasus archaeological Commission]. Tiflis, 1875. T. 6. Ch. 2. pp. 459.
3. Gapurov Sh.A. Saraliev L.Sh. Kabarda v kavkazskoj politike Rossii v pervoj chetverti XIX s. [Kabarda in the Caucasian policy of Russia in the first quarter of XIX c.] Grozny, 2012. p. 244

4. Degoev V. V. Bol'shaja igra na Kavkaze: istorija i sovremennost' [Great game in the Caucasus: history and modernity]. M., 2001. pp. 70.

5. Dзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. [Adighes: milestones of history] Nal'chik, 1994. pp. 69, 70.

6. Zapiski A. P. Ermolova. V 2 ch. [Notes A.P. Yermolov. In 2 hours] M., 1868. H. 2. pp. 132.

7. Istorija vneshnej politiki Rossii. Pervaja polovina XIX veka. [History of foreign policy of Russia. The first half of the XIX century] M., 1995. pp. 23.

8. Kidirniязov D.S. Dagestan i Severnyj Kavkaz v politike Rossii v XVIII 20-e gg. XIX v. [Dagestan and Northern Caucasus in the policy of Russia in the XVIII – 20-ies of the XIX century]. Mahachkala, 2013. pp. 156.

9. Kudashev V. N. Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode. [Historical information about the Kabardian people]. Nal'chik, 1991. pp. 86.

10. Kумыков Т. Х. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII–XIX вв.) // Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. [From the history of judicial institutions in Kabardino-Balkaria (the end of XVIII–XIX centuries) // Scientists notes of the Kabardino-Balkarian research Institute]. Nal'chik, 1963. T. 19. pp. 95–97.

11. Leontovich F.I. Adaty kavkazskih gorcev. Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza. [ADAT Caucasian highlanders. Materials on customary law for the Northern and Eastern Caucasus]. Odessa, 1883. V. 1. pp. 259–264.

12. Lysenko Y.M. Istorija rossijsko-kavkazskih vzaimootnoshenij v trudah rjada rossijskih issledovatelej kon. XIX – nach. XX vv. // Kubanskie istoricheskie chteniya. Materialy Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoj konferencii. [History of Russian-Caucasian relations in the writings of a number of Russian researchers con. XIX – beg. of XX centuries // Kuban historical readings. Materials of all-Russian with the international participation) scientifically-practical conference]. Krasnodar, 2012. pp. 259–263.

13. Potto V.A. Kavkazskaja vojna. [Caucasian war] T. 1. Stavropol, 1994. pp. 375, 376.

14. Fadeev A. V. Rossiya i Kavkaz v pervoj treti XIX v. [Russia and Caucasus in the first third of XIX c.] M., 1961. pp. 319.

Рецензенты:

Дадаев Ю.У., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Дагестана Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Кидирниязов Д.С., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела древней и средневековой истории Института ИАЭ ДНЦ РАН, г. Махачкала.

Работа поступила в редакцию 27.01.2014.